

4. *Гоготшвили Л. А.* Мифология хаоса (о социально-исторической концепции А. Ф. Лосева) // Вопросы философии — 1993. — № 9. — С. 39–51.

5. *Мамардашвили М. К.* Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбуэн) // Вопросы философии. — 1992. — № 4. — С. 70–79.

6. *Элиаде М.* Мифы. Сновидения. Мистерии. — М.: Рефл-бук; Ваклер, 1996. — 285 с.

Nadezda Zhuravleva,

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation

HISTORY AS A MYTH: CONSTRUCTION OF CULTURAL IDENTITY

Abstract: Understanding of national history is a necessary element in the construction of cultural identity. History is directed process. It is a mythical experience, consolidating the nation and the need to legitimize power.

Key words: myth; history; cultural identity; cultural memory.

М. С. Ильченко*

ГОРОДСКОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СИМВОЛИЧЕСКАЯ ЛОГИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ. ОПЫТ ЕКАТЕРИНБУРГА**

Аннотация: В статье анализируются особенности формирования городских публичных пространств в современных российских условиях. Утверждается, что сегодня этот процесс определяется не столько физической перестройкой архитектурного ландшафта, сколько изменением самих моделей поведения в городском пространстве, а также способом его восприятия. На примере площади Труда г. Екатеринбурга показано, что формирование новых практик «освоения» городских территорий как публичных сопряжено с новыми способами их смыслового прочтения и символического «переоткрытия» в пространстве города.

Ключевые слова: городское; публичное пространство; места памяти; символы прошлого; гражданская активность; советское.

* *Ильченко Михаил Сергеевич*, Институт философии и права Уральского отделения РАН, Россия, Екатеринбург.
E-mail: msilchenko@mail.ru

** Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-8766.2016.6).

Развитие городского публичного пространства в современных российских условиях традиционно мыслится в категориях преодоления «советского» и его инерционного влияния. С одной стороны, такой ракурс рассмотрения кажется совершенно очевидным: в городском пространстве советское «наследие» выражено как нигде более наглядно и при этом продолжает определять логику устройства и планировочные структуры практически всех крупных городов.

Вместе с тем опыт городского развития последнего десятилетия заставляет обращать внимание на две важные тенденции. Во-первых, несмотря на сохраняющуюся значимость советского фактора, его влияние на трансформацию публичных пространств в современном российском городе далеко не всегда играет ключевую роль. А, во-вторых, само «преодоление» советского сегодня крайне редко выступает в виде привычного демонстративного «отказа» от прошлого, приобретая совершенно иные, подчас неочевидные и противоречивые формы.

Трансформацию городского публичного пространства стоит рассматривать как сложный процесс, который наряду с физическим изменением городского ландшафта и территории (т.е. собственно «места»), предполагает изменение соответствующих моделей поведения (форм социальных взаимодействий и коммуникаций в городской публичной сфере), а также способа восприятия городского пространства (символических структур). И если в первом случае эффекты инерционного воздействия прошлого очевидны — физическая перестройка границ городского пространства и изменения его облика так или иначе происходят в уже сложившихся пространственных структурах — то две другие тенденции, напротив, определяются появлением новых практик и представлений, которые с прошлым обычно никак не связаны и складываются в совершенно иных условиях. Это особенно касается процесса символических модификаций публичных пространств, который достаточно сложно вписать в привычную логику трансформации как последовательной смены одних состояний на другие — т.е. замены «старых» символов на «новые», их обновления и пр.

Как показывает опыт различных постсоветских стран, стратегии десимволизации советского наследия могут быть весьма вариативными (см. напр.: [7; 9]), а сами объекты этого наследия в состоянии превращаться в пустые «экраны» для проекций, «лишенные своей памятной компоненты», — в «места памяти» без памяти или «вместо памяти» [11, с. 12].

Иными словами, в постсоветских условиях производство символов может быть не привязано ни к какому конкретному контексту и никак не зависеть от сложившихся смысловых иерархий.

Вместе с тем стоит иметь в виду, что сами «места памяти» являются всего лишь рамкой восприятия прошлого, утверждающей новую «городскую географию» символов. Ситуация заметно осложняется, когда к символической составляющей добавляется еще одна — публичной активности, превращающая «место памяти» в место интенсивных социальных взаимодействий. Конструирование прошлого в таких условиях становится гораздо более сложным и слабо предсказуемым процессом, способным производить неожиданные результаты.

Активность городских и протестных движений в крупных российских мегаполисах за последние годы показала, что новый символический статус и значение в городском пространстве могут приобретать те места, которые раньше либо в принципе в нем не выделялись, либо просто не несли в себе ярких и публично читаемых культурно-исторических смыслов. В связи с этим весьма показателен пример Екатеринбурга — города, ставшего одним из крупнейших региональных центров гражданских движений в России последних лет.

В отличие от Москвы и Санкт-Петербурга, где протестная активность так или иначе была рассредоточена в городском пространстве, в Екатеринбурге она получила четкую символическую локализацию. Символом городских протестов стала площадь Труда, которая не просто выступила местом проведения наиболее крупных митингов и территорией непрерывной символической борьбы за пространство между протестующими и властью, но и в принципе стала ассоциироваться с какой бы то ни было социальной активностью в городе.

Показательно, что в постсоветский период, до 2010 года, она никогда не являлась местом организации крупных мероприятий, не несла с собой никаких отчетливых политических коннотаций, да и в целом не воспринималась как площадь в полном смысле этого слова. В сознании большинства горожан она представляла собой удобно расположенную в центре города зону отдыха с уютным сквером и фонтаном.

История площади Труда непосредственным образом связана с масштабной перестройкой города Свердловска второй половины 1920—начала 1930-х годов и его превращением в крупнейший индустриальный центр всего Уральского региона. Согласно проекту «Большого Свердловска», главная улица города должна была превратиться в своеобразный каскад площадей, переходящих друг в друга по линии основного проспекта [см. 1; 10].

Одним из его звеньев должна была стать площадь Труда, которая уступала другим и по масштабу, и по значению, поскольку не являлась ни центральной, ни парадной, но при этом оказывалась крайне важной в символическом плане. Ее строительство велось на месте разрушенно-

го Екатерининского собора, задававшего один из ключевых акцентов дореволюционного Екатеринбурга. Задачей новой власти было не просто создание качественно нового пространства на месте старой Екатерининской площади, но прежде всего заполнение определенного символического вакуума. Перестройка прежней площади была настолько радикальной, что, по сути, создание ансамбля площади Труда знаменовало собой закладку совершенного нового культурно-исторического фундамента с полной зачисткой культурного слоя предшествующей эпохи.

Смену символических акцентов в новом пространстве определило строительство сразу нескольких знаковых построек: во-первых, центрального сооружения площади, здания Облисполкома, во-вторых, первого в городе крупного жилого комплекса нового типа – Первого дома горсовета и, в-третьих, одного из ключевых зданий нового Свердловска, мощного конструктивистского комплекса Дома связи. Площадь Труда, таким образом, представляла собой типичный градостроительный продукт советской эпохи и по расположению, и по пространственной организации, и по идеологическому посылу.

Вместе с тем на протяжении всего советского периода она не являлась местом шумных митингов, демонстраций или собраний, а скорее олицетворяла собой образ светлого «города будущего». Изображение площади с видом на расположенный в ее центре и построенный на месте снесенного храма фонтан на долгие годы стало одной из визитных карточек Свердловска.

В этой связи потеря площадью Труда прежнего значения в постсоветский период была связана не только с естественной утратой символических функций постройками, формировавшими ее ансамбль, но и с невозможностью осуществить полноценную инверсию, «переворачивание» идеологических смыслов по причине их слабой выраженности в сравнении с другими городскими публичными пространствами советской эпохи.

Попыткой придать площади Труда новые смыслы и «центральность» в российских условиях стало приуроченное к 275-летию Екатеринбурга в 1998 году возведение на ней двух символически значимых для города объектов — каменной часовни на месте снесенного собора и памятника отцам-основателям города. Однако появление новых сооружений лишь закрепило ее статус как идеологически нейтрального пространства — городской зоны отдыха и «новой достопримечательности», для которых само обозначение «площадь Труда» скорее играло роль метафоры и звучного названия, нежели отсылало к выполнению конкретных публичных функций.

Тем парадоксальнее и показательнее, что поводом для превращения площади Труда в устойчивое место публичных собраний и символ городских протестов стали планы властей по ее реконструкции. Поддержанное властями региона намерение местной епархии возвести на месте фонтана и сквера православный храм Святой Екатерины спровоцировало проведение на площади 10 апреля 2010 года крупнейшей массовой протестной акции в регионе с начала 1990-х годов, собравшей по разным данным от 4000 до 6000 человек. Митинг получил широкий общественный резонанс, а за самой площадью закрепился устойчивый образ «места протеста». Для большинства жителей площадь Труда стала различима на карте города как самостоятельное организованное пространство именно после массового выступления в ее защиту и последовавшей после этого серии протестных акций.

При этом особое внимание обращает на себя символическая составляющая дискуссий вокруг судьбы площади. В основе противостояния властей и общественности в данном случае не лежала борьба за символы прошлого или исторические смыслы в привычном понимании. Ни одна из сторон не призывала к развенчанию «исторических мифов» или их деидеологизации. Сторонники восстановления храма вполне логично апеллировали к дореволюционному прошлому Екатеринбурга, однако призывы к «воссозданию утраченных в советский период традиций» звучали исключительно от представителей церкви [4]. В официальных выступлениях властей подобная риторика существенно сглаживалась, выражаясь в оперировании довольно замысловатыми формулировками, как, например, «восстановление исторической градостроительной справедливости» [2].

Представители и сторонники власти старательно избегали любого столкновения символов и использования конкретных исторических маркировок. Реконструкция площади в их логике представляла закономерным и естественным результатом городского/архитектурного/символического развития, в котором попросту нет места каким-либо «разрывам» и конфликтам. Характерный пример — аргументация в пользу строительства храма одного из представителей архитектурного сообщества: «Площадь Труда даже с комплексом зданий вокруг не выглядит законченной. Там есть дома в стиле конструктивизма, но нет завершающего акцента, именно им и станет собор св. Екатерины. Мы создадим логичную доминанту, которая уравновесит две площади по разным берегам реки» [8].

В свою очередь, противники реконструкции также избегали какого-либо обращения к символам прошлого и их интерпретации. Организаторы митинга, в частности особо подчеркивали, что мероприятие не но-

сит антицерковного характера и в принципе не является политическим [6]. Их основным посылом было стремление не допустить изменения городского облика без учета мнения самих горожан, т. е. демонстрация «права на город», или, словами одного из участников акции, права горожан «жить там, где им хочется» [3]. Для протестующих площадь Труда была важна не столько своей историей и сокрытыми в ней смыслами, сколько своим настоящим, а если быть точнее — своими потенциальными возможностями. Несмотря на активно используемую риторику «защиты» и «сохранения» площади, тема значимости и ценности формирующих ее ансамбль конструктивистских сооружений участниками акций практически не поднималась и не развивалась. Площадь мыслилась ими текущим моментом и воспринималась скорее как живое пространство, включенное в динамику городской жизни и наполняемое смыслами самими жителями «здесь и сейчас».

Удивительно, но советское в этой символической борьбе оказывалось вынесенным за скобки. Оно не отвергалось и не реабилитировалось, а просто превращалось в фигуру умолчания. Призывы к «восстановлению справедливости» отсылали не к пересмотру конкретных периодов истории, а к некой абстрактной исторической логике, упоминания значимости конструктивистских зданий — не к постройкам советской эпохи, а к памятникам и «культурному наследию», разговоры о «знаковом месте» — не к образу советского Свердловска, а к вневременному городскому символу.

Площадь Труда, таким образом, лишалась своего исторического контекста. Ее пространство не десимволизировалось, а деисторизировалось, т. е. теряло историю как таковую, а соответственно и сам предмет борьбы за «толкование прошлого». Площадь как бы освобождалась от исторических смыслов, утвердившихся образов и устоявшихся о ней представлений, одновременно открываясь для новых интерпретаций и прочтений. А потому символическая борьба шла не за прошлое площади, а за формирование ее образа в настоящем. Появление новых способов использования и «освоения» площади — как места собраний, митингов, «мирных тусовок горожан» [5], зоны отдыха, общения молодежи и пр. — стало следствием ее «переоткрытия» в городском пространстве, возможности мыслить в новых границах. Этим объясняется столь интенсивное и упорное отстаивание площади Труда как «места протеста» активной общественностью и устойчивое стремление власти не допустить этого и перехватить инициативу.

Сам по себе этот процесс представляется крайне важным. Не став по примеру других городских пространств классическим «местом памяти» в первые десятилетия новой российской власти, площадь Труда одновременно избежала традиционного процесса демифологизации и

идеологического «развенчания», а попытка ее символического переосмысления произошла уже в качественно изменившихся условиях и совпала с обретением площадью новых публичных функций. Сложно сказать, насколько устойчивым окажется ее новый символический статус, сформировавшийся за последние годы, однако очевидно, что связанная с площадью Труда активность способствовала существенному оживлению городского пространства и утверждению в нем новых типов практик, коммуникаций и моделей поведения.

Литература

1. Большой Свердловск. Краткое описание схемы перепланировки города. — Свердловск: Издание Уральского проектно-планировочного бюро, 1930.
2. Бывший главный архитектор Свердловской области одобряет строительство храма // Regnum. Информационное агентство. 19.03.2010. — URL: <http://regnum.ru/news/1264735.html> (дата обращения: 10.03.2016).
3. В Екатеринбурге тысячи людей сказали: «Это мой город» (репортаж Дмитрия Васильева) // 66.ru. Информационное агентство. 10.04.2010. — URL: <http://66.ru/news/society/59577/#> (дата обращения: 10.03.2016).
4. Градо-Екатеринбургский Екатерининский собор: храм в сердце и памяти // Православная газета. Екатеринбург. — Март 2010. — № 12 (573). — С. 10–11.
5. Запись в блоге Дмитрия Горчакова от 12.04.2010. — URL: <http://nucl0id.livejournal.com/135225.html> [accessed 22 January 2014].
6. Запись в блоге Леонида Волкова от 03.04.2010. — URL: <http://leonwolf.livejournal.com/2010/03/22/> (дата обращения: 10.03.2016).
7. *Казакевич А.* Символика места: забывание и фрагментация «советского» в ландшафте Минска // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 6. — С. 17–33.
8. Площадь Труда праведного // Коммерсантъ–Екатеринбург. 12.03.2010. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1340694> (дата обращения: 10.03.2016).
9. *Скубицкая Ю.* Гибкость хаоса вместо строгости ансамбля: двадцать лет постсоветского Харькова // Неприкосновенный запас. — 2011. — № 6. — С. 35–52.
10. *Токменинова Л.* Работа над генеральным планом Свердловска 1920–1960 годов // История генерального плана Екатеринбурга. 1723–2003 (авторы: Голобородский М.В., Токменинова Л.И., Санок С.И.) — Екатеринбург: TATLIN, 2013. — С. 14–23.

11. Ушакин С. Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. — 2011. — №6. — С. 10–16.

Ichenko Mikhail Sergeevich,

Institute of Philosophy and Law, the Ural Division of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation

**URBAN PUBLIC SPACE IN CONTEMPORARY RUSSIA:
A SYMBOLIC LOGIC OF CONSTRUCTING.
THE CASE OF EKATERINBURG**

Abstract: The article analyzes the development of the urban public spaces in contemporary Russia. It is argued that this process is shaped not so much by the physical reconstruction of the architectural landscape as by the changes in the modes of behavior and in the perception of the urban space by city people. Relying on the example of the Labour Square in Ekaterinburg, the author shows that formation of the new practices to “adopt” urban territories as the public ones is closely related to the new ways of their symbolical understanding and “re-opening” in urban landscape.

Keywords: urban public space; places of memory; symbols of the past; civil activity; the Soviet.

Э. П. Кириллов*

КАРТИНА МИРА И КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ

Аннотация: В статье анализируется картина мира и ее роль в сохранении культурной памяти. Автор выделяет два типа картин мира — базовую и производную. Первая состоит из общепринятых понятий, категорий, идей, представлений, способов мышления и воспроизводится на интуитивном уровне, создавая предпосылочный фундамент познания мира. Вторая является результатом мировоззренческой активности человека и общества. В благоприятных условиях производная картина мира способна оказать влияние на базовую.

Автор указывает, что значение понятия «базовая картина» мира в целом совпадает со значением понятия «менталитет». Менталитет — квинтэссенция культурной памяти, фундамент самобытности и неповторимости любой культуры. Он предлагает человеку и этносу основа-

* ***Кириллов Эдуард Павлович,*** Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Россия.

E-mail: confmodern@yandex.ru